

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ
АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

1945

XLVI-99

№ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
ТАШКЕНТ — 1945

В. В. РЕШЕТОВ

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ „КУРАМА“ И КУРАМИНЦАХ

(Представлено чл.-корр. АН УзССР А. К. Боровковым)

В отношении термина „курама“, а также генезиса носителей его, в науке имеются различные мнения.

Некоторые исследователи термин „курама“ считают производным от глагола „курамоқ“, что в применении к этнографической группе означает „смесь, смешанную народность“ (1). Меньше оснований производить слово „курама“, от „кўра“, в переводе с узбекского языка означающее: 1) изгородь; 2) двор; 3) загон для скота (2).

В русской литературе к наиболее ранним сведениям о „кураме“ относятся сообщения капитана Андреева (1785 г.), который говорит, что „общество-ж оных составилось, как утверждают, из рода перешедших каракалпаков и хивинцев...“ (3).

На смешанный характер „курамы“ указывается и в новейшей этнографической и исторической литературе (4).

Аристов формирование „курамы“ относит к первой четверти XVIII в., т. е. к эпохе нашествия калмыков, что, однако, нельзя признать правильным. Андреев в своем сообщении в числе пунктов, заселенных „курамой“, упоминает Шахрухию, а среди кураминских родов—род шаркиялик. Это свидетельствует о том, что Шахрухия была некогда заселена кураминцами, если не сплошь, то в основной своей части; а так как от Шахрухии к XVIII в. остались лишь развалины, то и начало „курамы“ следует отнести к более раннему времени. О правильности этого предположения достаточно убедительно говорят факты, хронологически относящиеся к половине XV в.

Вакуфные документы Ходжа-Ахрара (5) на земли в Ташкентской и Шахрухийской вол., завещанные им в 860 г. х., подтверждают это предположение. Большой интерес, в этом отношении, представляют два земельных участка, один из которых находился в местности „Железных ворот“ и граничил на западе с местностью Курама, а второй—был в Кураме и с востока подходил к „Железным воротам“.

Совокупность этих данных позволяет утверждать, что термин „курама“ (а следовательно, и носители его), упоминаемый в ходжа-ахраровских вакфнамэ, несомненно существовал в XV в. В связи с этим, более чем вероятным, кажется, признание того, что образование „курамы“ следует отнести к моменту оседания джалаириров в долине Ангрена, а предками теперешней „курамы“ являются тюркское и тюркско-язычное население Ангрена, сложившееся в результате метисации и гибридизации иранских и тюркских элементов, и тот монгольский этнический пласт, который оседал в Ташкентском оазисе во второй половине XIII в.

Последнее присоединение узбеков-кочевников к кураминцам следует отнести ко времени Абу-Хайра и Шейбани, т. е. к XV-XVI вв.

Едва ли есть также основание утверждать, что „курама“—казахский народ в миниатюре (6). На наличии среди „курамы“ некоторых, типично

казахских, элементов (результат позднейшего порядка), нельзя, разумеется строить подобных гипотез.

Ряд общих признаков (конкретных языковых фактов), которые, в известной степени сближают кураминские говоры (да и джекающие узбекские говоры, вообще) с казахской языковой системой, является не результатом казахской языковой подпочвы в истории формирования данных говоров, а объясняется самым простым сходством и односистемностью языков. Это подтверждается также историческими материалами по диалектам кипчакского языка и приводит нас к старым письменным языкам—печенежскому, к памятнику куман-половецкого (7) языка XIII в. — „Codex Cumanicus“ (8).

С исторической точки зрения все это свидетельствует о наличии типично-кипчакских языковых черт и позволяет, в известной степени, провести параллель между кураминскими говорами и теми тюркскими языками, для которых эти признаки являются общими, в которых они прослеживаются и поныне. Однако, одно дело, на основании таких общих признаков, усматривать сближение, и другое—утверждать казахскую (или иную, например, каракалпакскую и т. п.) подпочву. Против этого достаточно убедительно говорят литература по этому вопросу и конкретные языковые факты:

1) наличие джеканы, а не жеканы, как в казахском языке;

2) наличие суффиксального „л/л“ в Pluralis после глухих согласных;

3) наличие суффиксального „ä“, т. е. чередование „а ä“ в подавляющем большинстве случаев, в противоположность чередованию „а е“—в казахском языке;

4) наличие личных окончаний типа: ман, сан, и т. п., а не мын, сынг, как в казахском языке;

5) наличие ряда лексических признаков—mäjäk, бадринг и т. д., и т. п.

Эти особенности очень заметны и весьма характерны не только для кураминских говоров, но и джекающих узбекских говоров вообще.

Конечно, нет сомнений в том, что казахи просачивались в долину Ангрена на протяжении ряда столетий, чему не могли не содействовать их военные походы. Тем не менее, основной казахский элемент следует рассматривать как позднейшее наслоение на тот этнический пласт, который сложился в долине Ангрена до появления казахов „как государственное и этнографическое целое“, т. е. до XV в., тем более, что и изучение истории казахского народа „до этого времени представляет для нас большие трудности“ (9).

Более того, сами казахи долины Ангрена свои, кое-какие, исторические предания о переселении в эти места относят к эпохе нашествия на Среднюю Азию калмыков (примерно к 1723 г.), известного в истории под именем „Актабан-Чубрынды“.

Термин „курама“ действительно означает „смесь“; это подтверждается и показаниями самих носителей этого имени: „бу джергä һär тәраптинг уруыдан кеп қуралып қаған дегән гәп бар (өзвәк минән қурама екәви бир қалқ) ата-бағамыздан қаған гәп шу“

Этим именем, по В. В. Радлову, называлось население между Ташкентом и Ходжентом (10). По Андрееву кураминцы занимали девять городов. По другим данным они обитали в 72 селениях, в числе которых значится Пскент (Пишак у Андреева) (11). Раньше так же называлось население в районе Керков (12). Еще Уйфальви отмечал „Кураминскую деревню“ по главной дороге из Андижана в Наманган (13). В настоящее время „кураминцы“ со вкрапленными среди них таджиками, казахами и группами узбеков занимают всю долину Ангрена, начиная от Аблыка, вплоть до впадения его в р. Сыр-Дарья.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Акад. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб, 1890, т. 2; его же „Aus Sibirien“, Leipzig, 1884; его же „Phonetik der nördlichen Türkspachen, Leipzig, 1882; Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб, 1882; Проф. К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940.
2. Обзор Сырдарьинской области, СПб, 1886; Географ. этнограф. и статистическ. мат. о Турк. крае, Зап. И. р. географ. об-ва по отд. статистики, СПб, 1866, т. 2.
3. Аристов, Заметки о происхождении тюркских племен, Живая старина, СПб, 1896, в. III-IV, год 6.
4. Миддендорф, Цит. соч., стр. 412
5. Д. Сырдарьинск. Осл. правл. № 244, 1892, с вакф—намэ Ходжа—Ахрара; см. также заметку покойного Вяткина, К ист. географ. Ташк. р-на, Турк. вед., 1900, № 101.
6. Истор. справка и племенной состав кор. насел. Ташк. уезда, Кызыл-Орда, 1926.
7. А. Пономарев, Куман—половцы, Вестник древн. ист., М., 1940, кн. 3—4
8. Чл.-кор. АН СССР проф. С. Е. Малов, К ист. и крит. Codex Cumanicus, Изв. АН СССР Отд. гум. наук, Л. 1930, № 5; M. Th. Houtsma, Ein türkisch—arabisches Glossar¹ Leiden, 1894; С. Е. Малов, К ист. казахск. яз., Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., М., 1941, № 3, где приведена и библиография
9. С. Е. Малов, К ист. казахск. яз., стр. 97.
10. В. В. Радлов, Aus Sibirien, стр. 224, 225; То же в его „Phonetik...“ — „Zwischen Taschkent und Chodschent lest ein kleiner angesiedelter Tatar—Stamm, der sich selbst Kurama nennt“, стр. XXXVII.
11. Географ. и проч. материалы о Турк. крае, стр. 44, 45.
12. Материалы по районированию Ср. Азии, в. 1.
13. Миддендорф, цит. соч., стр. 411.

1-й отд
✓

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
59650

1946

№ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
ТАШКЕНТ — 1946

В. В. РЕШЕТОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ УЗБЕКСКИХ ГОВОРОВ АНГРЕНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Представлено чл.-корр. АН УзССР А. К. Боровковым)

Сравнительно молодая еще отрасль узбековедения—диалектология, получившая иное направление благодаря ряду работ чл.-корр. АН УзССР проф. А. К. Боровкова и некоторых его учеников, в основном уже миновала ту стадию, когда исследователь узбекского языка ограничивался регистрацией лишь тех диалектальных фактов, которые наиболее резко выражены и бросаются в глаза подчас и не специалистам¹.

Метод нанесения на карту изоглосс, оправдавший себя на материалах ряда языков², дает возможность изучения речевых различий не только с точки зрения их территориального распределения, но и с точки зрения их структуры.

Однако поле деятельности так обширно, что при количественно-незначительном и качественно-неоднородном составе диалектологов, пока еще нет возможности дать обобщающий материал по Узбекистану в целом. Тем не менее, отдельные территориальные участки уже обследованы и по ним можно сделать некоторые синтетические выводы.

Следуя принятой в узбековедении классификации узбекских говоров, предложенной проф. А. К. Боровковым³, кураминский диалект, как сумма метисованных и гибридизованных говоров узбекского языка, принадлежит к джекающей группе или к кипчакскому наречию, т. е. к северо-западной (западной по Радлову⁴ и северной по Коршу⁵) группе тюркских языков вообще.

Как известно, формирование метисованных и гибридизированных говоров—процесс чрезвычайно сложный и проходит в условиях своеобразной лин-

¹ В этом отношении достаточно сослаться на „Анкету“, составленную проф. А. К. Боровковым (Узбек шева—лаҳжаларини текширишга доир савол—жавоблар, Ташкент—1944), которая всесторонне охватывает как фонетические, морфологические, так и лексические особенности говоров.

Ф. Филин, Диалектологический атлас русского языка (Фронт науки и техники, М.—Л 12, 1936), где дана и библиография по данному вопросу; проф. И. А. Батманов, Северные диалекты киргизского языка, вып. 1. Фрунзе, 1938.

³ Новый узбекский алфавит (Литература и искусство Узбекистана, кн. III, Ташкент, 1940). К более ранним классификационным наметкам относятся предложения проф. И. И. Зарубина (Список народностей Туркестанского края, Л., 1925, стр. 54); см. также проф. К. К. Юдахина „Материалы о звуковом составе чагатайского языка“ (Культура и письменность Востока, кн. IV, М., 1928); в своем логически законченном виде классификация узбек. говоров дана в работе „Материалы по грамматике узбекского языка“ вып. 1, Ташкент, 1935, которая подвергнута критике проф. И. А. Батмановым (сб. „Проблемы языка“, вып. I, Ташкент, 1934).

⁴ Rhönetik der nördlichen Türk Sprachen, Leipzig. 1882. Этнографическое обозрение, М., № 1, 2, 1910; см. также „Некоторые дополнения к классификации турецких языков“, Петр. Ин.—т живых восточных языков, 1922. Классификация тюркских языков была подвергнута критике акад. Н. Я. Марром (избр. раб., т. IV, стр. 136—137); проф. А. К. Боровков „Новое учение о языке и проблема изучения национальных языков“, ВЦКНТА, М. 1936.

гвистической лаборатории¹. Вследствие этого построение классификации их не мыслится без учета всех характерных черт—конкретных языковых фактов и первоначально представленных диалектальных групп в сопоставлении с нормами действующего койнэ.

На основании схождения изоглосс по отдельным территориальным участкам, выбранным не по административному, а по лингвистическому признаку, нами, наряду с подразделениями классификации проф. А. К. Боровкова, особо выделяется группа жекающая и подгруппа переходная. Иными словами, намечаемая нами в порядке рабочей гипотезы (именно в качестве таковой она в дальнейшем потребует возможного ряда уточнений и дополнений) схема, включает в себя следующие группы кураминских говоров:

1. *Джекающие говоры*, к которым принадлежит основная масса кураминцев долины Ангрена. Она разделяется по признаку оканья и аканья; акающие говоры расположены, главным образом, в нижнем течении Ангрена, а в качестве представителя жекающей группы условно выделяем Машауйшунский тип. В окающей группе намечается переходная по признаку „дж>j“ подгруппа—Кальва-курганский тип, расположенный на правом берегу Ангрена.

Джекающие говоры характеризуются следующими признаками: джол—

—бар—келади (ē) — j
келади (ē) ечки—ÿбрдак—y оқ—ағып—қаби—тау—сыдē—тидē

—сары—маган—келәджатыр—келәатир—егиб джатыр—mäjäk.
тухум

В акающей группе прослеживаются эти же признаки, однако—а) явное аканье, б) максимальная степень дифтонгизации, ср. јешки и ички, в) меньшая степень оглушения согласного „б“ в чередованиях типа қапқаби и т. п.

В переходной подгруппе появляется j<дж и сокращается степень дифтонгизации.

Из дополнительных признаков следует отметить:

1) спорадическое появление „х“, как результат факультативной сплангизации „к“ в первых двух группах и более четкая дифференциация данных фонем в переходной подгруппе

2) отсутствие статистически нормальной фонемы „h“ в акающей и окающей группах и наличие ее в подгруппе переходной: ср. окумат/хокумат/хокумәт (нукумат); аждамыз/һаждамыз (х'аждаймәз);

3) спорадическое чередование „ч—ш, ср. чай и шай;

4) наличие дифтонического сочетания в словах иjt, биjt и статистически-нормальное „и“ в переходной подгруппе;

5) деление основ по признаку „твердости“ (задние)—„мягкости“ (передние); десятифонемный состав вокализма, т. е. десять количественно недифференцируемых гласных фонем.

II. Иекающие говоры, к которым относятся преимущественно говоры крупных населенных пунктов Ангреной долины: Кара-хтай, Ахангаран, Ак-курган, Бука и некоторых окрестных кишлаков; особо выделяем Пскент.

В иекающих говорах доминируют признаки: јол—бар—келәдъ—эқ'эқъ тәғ—сәғдъ—тәдъ—(тејдъ/тегдъ)—сарьқ—мәнгә (менгә)—келјәптъ<келә

јәтәптъ — барәтәтъ<барьп јәтәптъ—тухум.
мәжәк

Дополнительные признаки:

1) наличие фонем „х“, „х'“ и „h“.

¹ Жирмунский В. М. Восточно-среднеем. гов. и проблема смешения диалектов, Язык и мышление, т. VI—VII, М.—Л., 1936; его же, Проблема колониальной диалектологии. Язык и мышление, кн. III; Сб. в честь акад. Н. Я. Марра, М., 1929 г.

2) отсутствие дифтонгического сочетания в словах иjt, биjt, где находим бът, ът;

3) отсутствие лингвально-сингармонистических чередований в суффиксах, а вместе с тем и принципиального деления основ на передние и задние. В связи с этим, для основной массы йекающих говоров Ангрена эта квалификация основ должна быть признана вовсе несуществующей в такой же мере, как, например, отсутствует данное деление их в ташкентском, маргеланском и других йекающих узбекских говорах, положенных в основу литературного узбекского языка. В преобладающем большинстве случаев в них мы находим семь качественно-отличных гласных фонем.

Большинство суффиксов, обладающих чередованием широких гласных (ä/a) в джекающем кураминском говоре, в данном типе сохраняет свой передний дублет, т. е. дублет с гласным „ä“;

4) Факультативное сосуществование изоглосс джол—келäджатыр и пр. находит объяснение в еще незаконченном процессе перехода по линии „дж“ > j“, однако статистически нормальным является уже anlaut^{ное} „j“, а не „дж“. Данные говоры подверглись сильному влиянию окружающих их йекающих говоров, в первую очередь территориально-близкого—ташкентского типа, а частично и ферганских, так как в этих районах встречаются группы переселенцев из Ферганы.

III. Жекающие говоры расположены, главным образом, в нижнем течении Ангрена, но встречаются местами и в среднем, и выше, т. е. на север от Той-тюбе. Основная же масса их сосредоточена южнее Алимкента, в районе Канглы (Канглы—Ягал-байлы) и на территории между Раватом и Калган-сыром.

В жекающих говорах отмечается:

- а) явное жеканье—жол,
- б) максимальная степень дифтонгизации anlaut^{ного} „e“—јешки (јечки).
- в) чередование „a|e“—келäди|келеди,
- г) наличие жумуртқа наряду с мәjäk,
- д) аканье,
- е) ^уörдүк вм. ^үördäk джек. гов.
- ж) тaw—сары—маған келäжатыр—егип жатыр.

Из дополнительных признаков:

- 1) отсутствие феномы „h“ и замена „x“ через „к“;
- 2) случаи перехода „ч“ > ш“: чаj|шаj|шäj;
- 3) наличие дифтонгических сочетаний в словах иjt, биjt;
- 4) девятифонемная система вокализма и ряд других как фонетических, так и морфологических признаков, позволяющих усматривать в жекающих говорах действительно казахский элемент, который в течении ряда столетий находился в тесном взаимодействии с джекающими узбекскими говорами, чем и объясняется наличие ряда типично-кураминских черт.

БЮЛЛЕТЕНЬ АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

1947

657 ³

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР
ТАШКЕНТ — 1947

В. В. РЕШЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КАРАКАЛПАКАХ ТАШКЕНТСКОГО
ОАЗИСА И ИХ ЯЗЫКЕ

(Представлено действ. чл. АН УзССР М. Т. Айбеком)

Ни лингвистические, ни исторические проблемы каракалпакского народа еще достаточно не освещены в нашей востоковедной литературе. Старая тюркологическая школа, занимаясь сравнительным изучением тюркских языков, основное свое внимание уделяла древнетюркской письменности. В связи с концентрацией материала орхонские и уйгурские штудии заняли строго определенные места. Из-за отсутствия же в распоряжении исследователей языковых данных каракалпакский язык в классификационных системах тюркских языков не имел лингвистически обоснованного места.

Беглые, но первые по времени, замечания о каракалпакском языке, мы находим в работе известного европейского путешественника по Средней Азии, венгерского ориенталиста Vambergy (1). Поэтому не будет ошибочным сказать, что научная разработка вопросов современного каракалпакского языкознания еще только начинается. Сделано пока мало, и исследований в этой области насчитывается меньше десятка (2).

Исторические материалы (соответствующая литература по кыпчакским наречиям) в вопросах изучения каракалпакского языка приводят нас к старым письменным памятникам — к сочинению XI в. Махмуда Кашгарского, к памятнику куман-половецкого языка XIII в. Codex Cumanicus (3), к языку печенегов, сохранившемуся в русских летописях и венгерских хрониках, к грамматикам кыпчакского языка XIII—XV вв.

Однако данные перечисленных источников в такой же степени относятся и к другим представителям той группы тюркских языков — западной (по классификации акад. В. В. Радлова) (4) или северо-западной — „кыпчакской“, к которой относятся язык каракалпаков и казахов, джекающее или кыпчакское наречие узбекского языка, каракалпакско-узбекский диалект каракалпаков, проживающих в Ферганской долине и в долине Зеравшана, кураминские говоры долины Ангрена и язык населения по нижнему течению Келеса.

Отсутствие синтетических данных по языку, истории, да и по каракалпакской филологии вообще, построенных на изучении соответствующих конкретных и документальных данных, позволяет во всей полноте поставить вопрос о развертывании всесторонней научно-исследовательской работы не только в научно-исследовательских учреждениях Каракалпакии, но и в Узбекистане, в стенах Академии Наук УзССР.

Настоятельность изучения каракалпаков на территории Узбекистана, в частности в Ташкентском оазисе, определяется целым рядом факторов исторического и статического порядка.

Не касаясь вопроса этногенеза и древнейших миграций каракалпакского народа, что является предметом особого исследования, (5) следует лишь заметить, что из тюркских племен, некогда довольно большими массивами проживавших на берегах р. Сыр-Дарья, прежде всего следует говорить о каракалпаках.

Однако работа по изучению ташкентских каракалпаков не велась и не ведется до сих пор в плановом порядке, и материалы собираются от случая к случаю. Данные по языку каракалпаков, имеющиеся в нашем распоряжении, по характеру своему также ограничены; они касаются, главным образом, фонетической, а частично и морфологической сторон, исключая совершенно или почти совершенно лексикку, что разумеется, не позволяет дать лингвистически законченное исследование. Да это, собственно, и не входит в нашу задачу, поскольку настоящее сообщение подходит к вопросу в предварительном порядке.

В Ташкентском оазисе каракалпаки встречаются в низовьях р. Келес, а также к востоку от р. Чирчик,—одним массивом в местности Майдантал и отдельными селениями, сохранившими название, „Каракалпак“.

Здесь каракалпаки быстро утрачивают типично каракалпакские черты быта и причисляют себя то к казахам, нередко именуя себя каралпак-ка-ак или казак-каралпак, то к узбекам. В отличие от казахов они часто путают названия казахских орд и родов. Некоторые относят себя к Средней Орде и называют своими родами Найман, Мангит, Кенегес, а в районах сплошного казахского окружения—к Большой Орде (resp. Старшей)—к наиболее многочисленному здесь роду Дулат.

Жители пунктов, расположенных среди кураминских поселений долины р. Ангрэн (Найман, Ачамайлы, Джагабайлы и др.), считают себя узбеками, то было отмечено и переписью 1926 г. Что же касается каракалпаков нижнего течения р. Келес, то и там численность их значительно уменьшилась за счет увеличения населения, именующего себя казахами.

Все это с лингвистической (да и с этнографической) точки зрения создает довольно сложную картину, поскольку в действительности приходится сталкиваться с метисованными говорами, процесс образования которых весьма сложен, тем более, что в этих процессах противостоят друг другу массы, компактные в языковом отношении. Это обстоятельство еще более усугубляется взаимодействием с нормами действующего узбекского койнэ, что особенно резко чувствуется в языке младшего поколения.

Несмотря на известное число признаков, уклоняющихся в сторону узбекского языка, язык каракалпаков Ташкентского оазиса имеет много общих или сходных черт с казахской языковой системой. В данном случае мы имеем в виду общие признаки, но ни в коем случае не усматриваем в этом казахскую языковую подпочву. Вопрос о казахско-каракалпакском языковом взаимодействии мы пока оставляем в стороне, так как это привело бы к дифференциальной характеристике этих систем. Нас интересуют, в основном, только некоторые, резко выраженные языковые факты, которые сближают каракалпакский язык с джекающими узбекскими говорами.

В качестве таких общих признаков, в которых, по причинам, указанным выше, преобладают признаки фонетического порядка, можно указать следующие:

1. Сохранение суффиксального *л/л'* после глухих согласных, например, в суффиксе *Pluralis—lar//lār*, ср. каракалпак. *атлар* // узбек. джек. *атлар* (resp. *атлар*) // казахск. *аттар*, где суффиксальное *л/л'* подвергается ассимиляции; или каракалпак. *атлы* // узбек. джек. *атлы* (resp. *атлы*) // казахск. *атты*; каракалпакск. *қызлар*, *аузық*, *майлы* и т. п., т. е. звуки *р* и *л* в каракалпакском языке не ассимилируются, не подчиняются закону уподобления по звонкости — глухости, тогда как в казахском язы-

ке не ассимилируются только звук *p*, звук же *л* всегда подвергается замене.

2. Появление фонемы *χ*—гортанного спиранта, например, каракалпакск. *χāzip* (resp. *χāzip*) // узбек. джек *χāzip* / resp. *χāzip* // казахск. *āzip* // узбек. литературно-орфографическ. *χозир*.

Звук *χ* чаще всего встречается в *anlaut'e* или *inlaut'e* и в словах этимологически восходящих к персидскому или арабскому языкам, ср. например, *бах*, *ха:ва*, *биχи* и т. п., при чем *anlaut*'ное *χ* (перед гласным *ā*) весьма часто дает ноль звука, а гласный (гласный *ā*) принимает вторичную или заместительную долготу, ср. *ā:p* // узбек. литературно-орфографическ. *χар*.

В искони каракалпакских словах звук типа *χ* чаще всего отмечается в междометиях типа: *аχ*, *χай* и т. п.

3. Наличие параллельного употребления *anlaut*'ного, *ж* и *й*, ср. *бала сы йоқ* и *баласы жоқ*, или *жагып жатыр*, где начальное *ж* после согласного звука в произношении не ослабляется. В соседстве же со звуком *о*, как например, в слове *йоқ* (при ответах на определенные вопросы) согласный *й* сохраняется, но звучит все же крайне неясно, и субъективно русским слухом воспринимается то как русское *ё*, то как краткое и ослабленное *жо*. И в последнем случае регистрируется звук типа *ж*, а не *ж*, как в казахском языке.

Интересна в этом отношении точка зрения проф. С. Е. Малова, который чередование *ж* // *й* в каракалпакском языке относит не за счет влияния узбекского языка, а усматривает причины, кроющиеся в самой истории формирования каракалпакского языка, т. е. в той разноязычной среде, из которой образовался данный национальный коллектив.

4. Появление фонемы *χ*, т. е. факультативная спирантизация *κ > χ*,—явление аналогичное с джекающими узбекскими говорами, имеет место в любой позиции, но главным образом, в середине слова перед следующим согласным звуком, например, каракалпакск. *кешхурун* // джек. узбек. *кешкурун* //, узбек. лит.-орфограф. *кечкурун*; еще примеры: *тохсан*, *яхт*, *хатын* (наряду с *қатын*) и т. п. и т. д. В словах *қатын*, *қат*, или в интервокальном положении, звук *κ* является менее глубоким и произносится легче, чем в односложных типично-тюркских словах типа „*қак*“, *қой*, *қыз*.

В преобладающем же количестве случаев звук *χ* отсутствует, но развитие языка уже вызывает его появление: сейчас, даже у каракалпаков, проживающих в казахском языковом окружении, звук *χ* произносится явственно и в большинстве словарных позиций не чередуется с *κ*; ср. например, *пахта*, *пахал* и т. п.

5. Звук *ш* по своим артикуляционным и акустическим особенностям не является однородным: у каракалпаков Чирчика и Ангрена встречается глухой сложный звук *ч*—неясный между *ч* и *ш*, воспринимаемый иногда, как звукосочетание *ч+ш=чш*, ср. например, *тышқан*, *шиптә* и т. п. Это явление свойственно и подавляющей массе джекающих узбекских говоров. У каракалпаков нижнего течения р. Келес он отсутствует и во всех словарных позициях заменяется звуком типа *ш*, произносимым с некоторой палатализацией, в сравнении с соответствующим русским звуком.

6. Что же касается фонетической архитектуры вокализма каракалпакского языка, то здесь, несмотря на значительное внешнее сходство как с казахским, так и узбекским джекающим вокализмом, можно отметить наличие ряда принципиальных различий между данными тремя типами.

Каракалпакский язык, как и основная масса джекающих узбекских говоров Ташкентского оазиса, в том числе и казахский, принцип дизъюнктивности губного и горизонтально-язычного укладов проводят в виде различения следующих гласных фонем.

	Передние		Задние	
	нелаб.	лаб.	нелаб.	лаб.
Узкие	и [-ъ]	у	ы [-b]	у
Полуузкие	е [-s]	ё		о
Широкие	ä		а	[(ä)]

Остаются незанятыми три клетки (для казахского языка) из 12 клеток этой общей схемы возможных различий гласных фонем, построенной на основе принципа дизъюнктивности губного и горизонтально-язычного укладов, при трех рядах по моменту вертикально-язычного уклада. Кроме того употребление передней широкой нелабиализованной фонемы ä в казахском языке ограничено одной специфической позицией, а именно — позицией в начале слова.

Что касается джекающих узбекских говоров, то в них задний широкий лабиализованный а является статически-нормальной фонемой, обладающей словоразличительными функциями гласных фонем данных говоров. В каракалпакском же языке звук ä мы позволим себе пока рассматривать как промежуточный между фонемой и зависимым вариантом фонемы. Но едва ли можно найти в этой „промежуточности“, т. е. в факте сосуществования звукопредставления, ненагруженного пока дифференциальными функциями, нечто *a priori* невозможное.

7. В дополнение следует еще отметить:

а) меньшую, чем в казахском языке, степень дифтонгизации *anlaut'*ных полуузких е, о, ё, т. е. степень дифтонгизации постепенно убывает, и в отдельных, правда довольно редких, случаях доходит до нуля данного форшлага или носит исключительно sporadический характер, ср. *йешки* (йечки) // *чешки* (чечки) < *ечки*. Следует также заметить, что обычное мягкое е, приблизительно соответствующее русскому е в слове „семья“, в каракалпакском языке произносится не так резко, как в казахском; ср., например, *кел, бер, ел'гезер*. У каракалпаков оно менее широкое и звучит мягче и плавнее. Это различие выступает чрезвычайно отчетливо;

б) хотя каракалпакские дифтонги *ий, ый, ув* и воспринимаются субъективным русским слухом как долгие и: *ы: у:*, тем не менее они в фонетическом отношении представляют собой отнюдь не отдельные фонемы, а фонемосочетания из гласной и согласной фонем. Древние долгие гласные в каракалпакском, как в казахском и в основной массе узбекских говоров, утрачены, т. е. древние долгие гласные совпали с соответствующими краткими;

в) в отношении изменения гласных по количеству, но в обратную сторону, в каракалпакском языке наблюдаются следующие вариации и типы гласных: 1) (*и*) (*ы*) (*у*) (*ү*) — полный физический нуль гласного, как результат редукции краткого узкого гласного ср., например, *т (и) л, б (и) р, пё'-т (ы) лады, от (у) рагой*, что с физической точки зрения равно: *тл, бр, нёглады, отрагой* или *тил, бир, нёглады, отурагой* — в чисто фонемной транскрипции;

2. *и, ы, у, ү* — оглушенное и притом чрезвычайно краткое, ср., например, *шыққан, шықты, ислейик, тусун* и т. п.;

3. *и, ы, у, ү* — недифференцируемый по количеству гласный звук.

Количественная редукция, достигающая максимума в казахском языке, в каракалпакском отмечается в такой же степени, как и в джекающих узбекских говорах, в частности в территориально-смежных с каракалпакским — в кураминских говорах узбекского языка.

8. Основной лексический состав каракалпакского языка более близок к узбекскому, чем к казахскому, так как преобладающее количество слов земледельческого быта (названия помещений, сельскохозяйственной утвари, домашней обстановки), торговли и пр., — все узбекского происхождения, а частично заимствованы и из других языков (персидского, арабского), опять-таки через узбекский язык.

Из лексических изоглоссов особо обращает на себя внимание *майяк* (resp. *майек*), *ата* (наряду с *аке*) и пр. Все это опять-таки сближает каракалпакский язык с джекающими узбекскими говорами.

9. Из морфологических черт можно указать:

а) формацию *Progressiva* *с-йатыр:кел'айатыр* (наряду с *кел'ажатыр*) // *кел'аватыр* // *кел'айатыр*; в последнем примере в форманте *Progressiv'a* — *йатыр* (resp. *жатыр*) выпадает *anlaut*, но *й/ж* и заднее, типично-тюркское *a* приближается к звуку типа *ä*, джекающих узбекских говоров. Хотя, как упоминалось выше, ограниченное употребление данного звука пока еще не дает оснований считать его фонемой, а следует рассматривать как звук малосамостоятельный, выполняющий сравнительно ничтожные функции, тем не менее чувствуется тенденция к закреплению его, по крайней мере, в языке молодого поколения;

б) форму настоящего времени типа: *қарайман, қарайсан, қарайды*;

в) форму причастия настояще-будущего времени *туғон:берәтуғон, баратуғон*; в казахском же она подвергалась более сложной фонетической эволюции и предстала перед нами в форме на „—*тун*—*тын*“, — и ряд других морфологических образований, которые по характеру и содержанию ближе стоят к соответствующим узбекским, а не казахским формам.

В заключение следует сделать еще одно замечание общего порядка — главное отличие каракалпакского языка от казахского заключается еще и в разном темпе произношения: каракалпаки говорят плавно и медленно, казахи — резко и быстро. Разница эта отмечается чрезвычайно резко и отчетливо и бросается в глаза даже и не специалистам.

Институт языка
и литературы АН УзССР

Поступило
16/1 1947

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. V a n t h e g u, Sagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.
2. Достаточно сослаться на исследования чл.-корр. АН СССР, проф. С. Е. Малова (Каракалпакский язык и его изучение, Каракалпакия, т. II, Л., 1934 стр. 200—207); работы чл.-корр. АН УзССР, проф. А. К. Боровкова (Об очередных вопросах изучения каракалпакского языка „Каракалпакия“, т. II, 1934, стр. 208—214), проф. Н. А. Баскакова (Замечания к проектам каракалпакской орфографии, „Революция и письменность“ Сб. I, М.—Л. 1933, стр. 142—150); Турсун Ибрагимова (Qara—qalpaq şevasinin vâziviir xususijatlari, „Til problemlari“, san II, Taşk. 1935; стр. 3—41) и, наконец, особо должна быть отмечена деятельность, молодого каракалпакского филолога А. Кдырбаева; успешно защитившего диссертацию на соискание первой ученой степени на тему „Каракалпак тилинде сенлеу категорияси“.
3. С. Е. Малов, К истории критики Codex Samaritanicus; Известия АН СССР, Отд. Гум. наук, № 5, Л., 1930 стр. 347—375.
4. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen, Leipzig, 1882.
5. Интересующийся сможет найти ряд данных по этому вопросу в работе П. П. Иванова, Материалы к изучению истории каракалпакского народа „Каракалпакия“, т. II, Л. 1934, стр. 178—199; 206; в работе акад. В. В. Бартольда, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928.